

ЛЕЙБНИЦ И ВСЕЕДИНСТВО
В ХРИСТИАНСКОМ ПЕРСОНАЛИЗМЕ
ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО

Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 368 с.

Отец Павел Флоренский, безусловно, является одной из самых привлекательных для изучения фигур в истории русской религиозно-философской мысли, и интерес к его наследию лишь возрастает, доказательством чего являются новые монографии, статьи и диссертации, посвященные различным аспектам его творчества. Среди работ на эту тему одним из достойных внимания творений является книга Сергея Михайловича Половинкина «Христианский персонализм священника Павла Флоренского».

Стоит сразу отметить, что в сообществе «флоренсковедов» автор занимает почетное место, начав заниматься анализом идей, издательством архивных материалов и популяризацией наследия мыслителя еще в 1980-х гг., когда интерес к русской философии еще только начал возрождаться после длительного перерыва. За это время С. М. Половинкиным было написано и издано около 200 работ о Флоренском и его окружении, а также о русской философской мысли в целом. Но тем не менее в таком значительном по объему списке трудов данная книга представляет собой всего второе по счету исследование, полностью посвященное персоналистическим аспектам творчества Флоренского (первая книга Половинкина на эту тему под названием «П. А. Флоренский: Логос против Хаоса»¹ увидела свет еще в 1989 г.). Кроме того, в контексте всех вышедших за этот период работ о Флоренском, а также его собственных текстов, изданных на данный момент (в т. ч. и из архивного собрания мыслителя), с нашей стороны не будет преувеличением назвать новую работу на эту тему долгожданной для научного сообщества.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с книгой, — это довольно необычная форма подачи материала: вместо глав монография разбита на множество (общим числом около 60) небольших тематических разделов (например: «Кант», «Монадология», «Икона», «Число», «Имя», «Культ» и т. д.), идейно связанных друг с другом, чем на первый взгляд немного напоминает энциклопедический словарь. Каждый из них представляет собой вполне самостоятельную часть исследования, отражая тот или иной вопрос, касающийся идей Флоренского, их оценок и интерпретаций. Это позволяет как опытному читателю, так и только начинающему знакомиться с творчеством отца Павла, приступить к чтению данной книги с любого понравившегося ему места. Стоит также отметить, что практически в каждом разделе находят место те или иные факты из биогра-

¹ См.: Половинкин С. М. П. А. Флоренский: Логос против хаоса. М., 1989.

фии мыслителя, воспоминания из его детства, личные черты характера, чем автор еще раз подчеркивает неразрывное единство и связь идей любого философа (а уж тем более мыслителя такого масштаба, как Флоренский) с его «жизненным миром».

В содержательном плане лейтмотивом исследования является заявленная в заглавии тема «Флоренский и персонализм». Следует сразу отметить, что близкая ей тема «Флоренский и математика», которой автор тоже уделил немало внимания в других своих трудах, на данный момент довольно подробно освещена в работах таких ученых, как М. А. Прасолов, С. С. Демидов, В. А. Шапошников, Е. А. Годин² и др. Тем не менее никто из них не раскрывал эту тему еще глубже и не делал вывод из философско-математического контекста творчества Флоренского о наличии у него собственной *монадологии*, в чем нам видится безусловная «научная новизна» подхода Половинкина, первого и пока единственного исследователя этой темы.

Фактически, говоря о персонализме в творчестве Флоренского, Половинкин причисляет его к такому не до конца изученному и спорному течению русской мысли, как *неолейбницеанство*³, отмечая при этом влияние, оказанное на ранние взгляды мыслителя его университетским наставником, главой Московской философско-математической школы Н. В. Бугаевым (1837–1903). И здесь тоже исследовательский подход автора к теме не лишен оригинальных черт: помимо хорошо изученных ее аспектов (к которым можно отнести рецепцию в творчестве Флоренского идей аритмологии (теории прерывных величин) и эволюционной монадологии Бугаева, а также «теории множеств» немецкого математика Г. Кантора), он находит новые и довольно интересные точки ее интерпретации: например, проводит параллели между учением о трещинах тварного бытия у Флоренского и идеей отчаяния у С. Кьеркегора (сравнивая при этом аритмологический метод Бугаева с принципом дополнительности Н. Бора) (см.: «Или-или» Кьеркегора и Флоренского». С. 55–58).

Говорить о недостатках данной работы, в свою очередь, нам представляется весьма нелегкой задачей, ввиду того факта, что в современном историко-философском дискурсе фактически никто из исследователей, кроме С. М. Половинкина, не причисляет П. А. Флоренского к персоналистам, хотя в то же вре-

² См.: Прасолов М. А. «Цифра получает особую силу» (социальная утопия Московской философско-математической школы) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. №1. С. 38–48; Демидов С. С. Из ранней истории Московской школы теории функций // Историко-математические исследования. М., 1986. С. 124–130; Он же. Н. В. Бугаев и возникновение московской школы теории функций действительного переменного // Историко-математические исследования. М., 1985. Вып. 29. С. 113–124; Годин А. Е. Развитие идей Московской философско-математической школы. М., 2006; Шапошников В. А. Философские взгляды Н. В. Бугаева и русская культура конца XIX — начала XX в. // Историко-математические исследования. 2002. Т. 7. С. 62–91; Он же. Персоналистический платонизм о Павла Флоренского // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2011. № 1. С. 3–19 и т.д.

³ К русскому неолейбницеанству традиционно принято относить Г. Тейхмюллера, Е. А. Боброва, А. А. Козлова, С. А. Алексеева (Аскольдова), Н. О. Лосского, Н. В. Бугаева, П. Е. Астафьева, Л. М. Лопатина.

мя некоторые из них⁴ находят в учении отца Павла своеобразный *имперсонализм*. Объяснить такое *антиномическое* противоречие, в которое впадают исследователи творчества Флоренского, на наш взгляд, довольно легко: сторонники персоналистической трактовки идей отца Павла берут за основу своих представлений его учение о Софии как высшей личности и верховной монаде; противники же этой точки зрения в качестве такой основы видят представление Флоренского о любви как деятельностной силе, объединяющей весь тварный мир в единый Космос⁵. Возвращаясь же к работе Половинкина, можно отметить некоторую односторонность раскрытия автором заглавной темы книги, что находит свое выражение в том, что, отстаивая свою позицию, часто автор не приводит имен других исследователей, чьи точки зрения были бы близки или же противоположны его собственным взглядам. В качестве иллюстрации можно взять очерк «Соборность или всеединство?» (с. 141–148), где автор противопоставляет прерывное мирозерцание Флоренского «примирительному всеединству философии» В. С. Соловьева. Завершая этот мини-обзор, он делает вывод: «В отличие от некоторых историков русской философии, мы не видим оснований к тому, чтобы причислять Флоренского к сторонникам учения о всеединстве»⁶, при этом не указывая конкретных имен своих оппонентов. Что представляется нам несколько странным, поскольку в другом очерке, при разборе учения об антиномиях у Флоренского (см.: «Антиномизм». С. 45–55), в этой же связи он проводит анализ позиций как сторонников данной точки зрения (Н. А. Бердяев), так и ее противников (о. Г. Флоровский, С. С. Хоружий), считавших Флоренского скорее софиологом, нежели антиномистом.

Так был ли Флоренский на самом деле персоналистом, и насколько правомерно считать его монадологом и неолейбницеанцем (а не, скажем, тем же софиологом и представителем философии всеединства и соборности)? Для ответа на этот вопрос сначала обратимся напрямую к мысли самого Лейбница. В системе своих взглядов немецкий мыслитель рассматривал монады прежде всего как силы, или Аристотелевские энтелехии⁷; а одним из главных принципов сосуществования монад он считал закон их всеобщей *связи*⁸ (выражавшийся в принци-

⁴ Например, К. Г. Исупов находил «комплекс недоверия к личности у Флоренского»; «чуждым персонализму» объявлял учение о. Павла С. С. Хоружий и т. д. (см.: П. А. Флоренский: pro et contra / К. Г. Исупов, изд. СПб., 1996).

⁵ Более подробно о «софийных спорах» вокруг о. Павла Флоренского см.: Павлюченков Н. Н. Антропология священника Павла Флоренского: критические оценки и исследования (материалы, опубликованные до 1917 г.) // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2011. Вып. 1 (33). С. 56–66; *Он же*. Антропология священника Павла Флоренского: Критические оценки и исследования (материалы периода с 1930-х гг. по настоящее время) // Там же. Вып. 3 (35). С. 68–82.

⁶ Половинкин С. М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М., 2015. С. 147.

⁷ См.: Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 417.

⁸ «Взаимодействие субстанций, или монад, происходит не вследствие влияния, но вследствие согласия, вытекающего из Божеского преобразования (*praeformatio*); каждая отдельная вещь, следуя законам и внутренне присущей силе своей природы, вместе с тем приспособлена к внешним вещам; в этом состоит также и соединение души и тела» (Лейбниц Г. В. Новая си-

пах достаточного основания, непрерывности и «законопостоянства»⁹; а также концепции «предустановленной гармонии»). В учении Флоренского мы можем видеть ту же объединяющую между собой все начала (Горние и дольные, материальные и духовные, тварные и божественные) связь, идея которой находит свое окончательное выражение в учении о Софии как Четвертой ипостаси Бога¹⁰, в которой отдельные монады-личности становятся единым организмом — Церковью, Горним Иерусалимом, Царством Божиим на земле¹¹. Более того, в учении Флоренского, как и у Лейбница, мы можем выделить три структурных плана: математический, метафизический и религиозный, чего не наблюдается больше ни у кого из классических представителей русского неолейбницеанства. Конечно, Флоренского неправильно было бы называть лейбницеанцем в узком и строгом смысле этого слова, закрывая глаза при этом на другие, не менее важные моменты в его учении; но тем не менее его систему взглядов «не по букве, а по духу» объективно можно признать наиболее созвучной мировоззрению самого Лейбница.

Завершая наш обзор монографии С. Н. Половинкина, обратимся к словам В. Н. Ильина, который писал в статье «Лейбниц и русская философия. К 250-летию со дня кончины великого ученого» (1966): «...не надо удивляться специфической и как будто парадоксальной тяге русских философов, метафизиков, богословов и математиков к Лейбницу, лейбницеанству и к пронизанному богословским софианским светом математическому естествознанию. Здесь на первом месте стоит отец Павел Флоренский, которого без преувеличения можно назвать *Лейбницеанцем новейших времен*, приняв во внимание его изумительный энциклопедизм, возглавляемый *физико-математическим* гением»¹². Следует признать, что в этом смысле С. М. Половинкин оказался прав, сначала интуитивно почувствовав в идеях Флоренского персоналистический, лейбницеанский контекст, а затем посвятив этой теме отдельную книгу, благодаря которой мы можем увидеть до мельчайших деталей, каким образом и при каких обстоятельствах этот контекст раскрывался в творчестве отца Павла на протяжении всей его жизни.

Александра Юрьевна Бердникова
(аспирантка МГУ им. М. В. Ломоносова; alexser015@yandex.ru)

стема природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Лейбниц Г. В. Сочинения... С. 298).

⁹ Принцип «законопостоянства», благодаря которому свойства природы (временные и вечные) всегда остаются одними и теми же, находит в философии Лейбница В. Н. Катасонов (*Катасонов В. Н. Наука и теология у Г. В. Лейбница. // Катасонов В. Н. Христианство. Наука. Культура. М., 2012. С. 349*).

¹⁰ См.: *Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М., 1914. С. 326*.

¹¹ См.: Там же. С. 332.

¹² *Ильин В. Н. Лейбниц и русская философия. К 250-летию со дня кончины великого ученого // Ильин В. Н. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение» / А. П. Козырев, изд. М., 2010. С. 72.*